

В индустрии развлечений еще не было случая, чтобы артист лично ввязывался в публичные разборки, тем более если группа распалась всего несколько дней назад, а участники тут же принялись грызть друг друга в социальных сетях.

Всех поразил внезапный и яростный выпад Нань Чжоу, и народ принялся с упоением перемывать ему кости.

— Нань Чжоу, он что, с ума сошел?

— Не удалось присосаться к нашему кумиру, вот и начал бесноваться, да? Позорник, вали из шоу-бизнеса!

— ...Сначала записался к специалисту по омегам, потом пошли слухи о беременности, а теперь еще и открыто поливает грязью своего бывшего партнера по паре. Рискну предположить, что Нань Чжоу беременен от Лу Чжоу!

— Заткнись! От чьего ребенка?! Хватит распространять слухи, иди к черту! Пожаловалась на ваш пост!

— За два года существования группы наш кумир натерпелся от этого двуличного лицемера! Хоть каплю совести имей, поучись у нашего кумира, хоть немного приличия соблюдай!

— Фанаты Лу Чжоу, вы сами-то себя слышите? То, что вытворяет ваш кумир, сложно назвать приличием.

В это время Хао Цзя, только что проводивший Нань Чжоу до квартиры, получил звонок от своего подчиненного. Выслушав доклад, он почувствовал, что земля уходит из-под ног. Спешно закончив разговор, он открыл соцсети, и стоило ему взглянуть на ленту, как лицо Хао Цзя побелело. А когда он перевел взгляд на самого виновника переполоха, то и вовсе лишился дара речи.

Опубликовав два взрывных поста, Нань Чжоу вел себя так, словно ничего не произошло. Войдя в квартиру, он принялся с любопытством разглядывать свое жилище. И что тут было разглядывать? Однокомнатная конура меньше семидесяти квадратов, в которой он прожил почти два года!

Хао Цзя сделал пару глубоких вдохов, приказывая себе сохранять спокойствие. В конце концов, его лучший друг только что пережил разрыв, предательство, а также то, что его использовал и пометил какой-то мерзавец — эмоциональная нестабильность в такой ситуации вполне понятна.

— Нань Чжоу, господин мой, сокровище ты мое, — взмолился Хао Цзя. — Ты еще собираешься выкинуть что-нибудь эдакое? Может, расскажешь сразу всё, чтобы я был готов?

Нань Чжоу молчал.

— Нань...

— Обязательно жить именно здесь?

— А?

— Я хочу переехать в другую квартиру.

Хао Цзя нахмурился:

— И куда ты собрался?

Нань Чжоу посмотрел на него с таким обыденным выражением лица, будто обсуждал погоду:

— В любую другую мою квартиру в центре города, или, на худой конец, на виллу.

Хао Цзя: «.....»

Конец. С его другом явно что-то случилось, и, судя по всему, весьма серьезное.

Хао Цзя подошел к Нань Чжоу, закрыл глаза, глубоко вдохнул, открыл их снова и тяжело положил руки на плечи друга.

— Приди в себя. Никаких других квартир, тем более вилл — у тебя есть только это место. Месячная аренда — шесть тысяч пятьсот.

Уголок рта Нань Чжоу едва заметно дернулся, словно его поразила собственная нищета.

— Разве я не популярный айдол?

— ...Ты только сегодня подписал контракт? Или, подожди, если бы это был твой первый день, ты бы помнил, как при подписании контракта с компанией ты презирал деньги, требуя ничтожно малую долю от прибыли, лишь бы работать вместе с этим подонком Лу Чжоу!

— ...

В голове Нань Чжоу промелькнула лишь одна мысль: «Я что, идиот?»

Он поднес руку ко лбу и, поразмыслив, спокойно спросил:

— Сколько еще осталось по контракту?

— Срок контракта три года. Истекает в следующем месяце.

— А сколько у меня накоплений?

Хао Цзя, уже отчаявшись, закатил глаза и опустил на диван:

— Какие накопления? Все деньги, что ты заработал за эти годы, ты потратил на Лу Чжоу, у тебя ни гроша за душой!

Нань Чжоу: «...»

Сев на другой конец дивана, он произнес:

— А та программа, о которой ты говорил в машине... сколько там неустойка?

— Три миллиона.

В квартире повисла тишина на полминуты.

— Ты заплатишь за меня? — спросил Нань Чжоу.

Этот агент, а ведь он, оказывается, неплохой человек.

Гостиная снова погрузилась в молчание. Две минуты спустя Хао Цзя робко отозвался:

— У меня нет денег. Понимаешь, я же забочусь о тебе... боюсь, что на этом шоу ты снова пересечешься с Лу Чжоу...

Нань Чжоу прервал его:

— Твои намерения благие, но лучше придержи их при себе.

— ...

— Даже нищий перебирает харчами. Пусть лучше я с голоду помру, я хочу жить дальше.

Хао Цзя: «...Нет, ну обязательно так разговаривать?»

— Есть проблемы?

Хао Цзя только открыл рот, чтобы ответить, но услышал:

— Я всегда так разговариваю. Если ты сомневаешься в моих словах, значит, ты меня недостаточно хорошо знаешь. А раз уж мы друзья, ты обязан знать меня и принимать таким, какой я есть.

Хао Цзя: «...»

Почему ему кажется, что Нань Чжоу прав? Нет, постойте! Он что, пытается манипулировать мной?

Перед уходом Хао Цзя сто раз наказал Нань Чжоу не вздумать никуда выходить, а если возможно — не устраивать истерик в соцсетях. Хотя их группа и была не особо популярной, но с тех пор, как Лу Чжоу и Вэнь Юй официально объявили об отношениях, хейтерские запросы с именем Нань Чжоу посыпались один за другим. Даже те, кто раньше не знал его, теперь наслышаны о нем как о скандалисте.

Была и еще одна причина, о которой Хао Цзя побоялся сказать: ему казалось, что с нынешней манерой общения Нань Чжоу легко может отхватить по лицу.

— Ах да, через три дня у тебя съемка для журнала, я приеду за тобой, не забудь.

Боже, молю, пусть через три дня Нань Чжоу придет в себя.

Три дня спустя Хао Цзя позвонил Нань Чжоу, стоя внизу у его дома, но в трубке услышал лишь ответ, что абонент недоступен. Его прошиб холодный пот, и он со всех ног бросился наверх. Прежде чем открыть дверь запасным ключом, Хао Цзя мысленно уже прокрутил сцены, где он извиняется, кланяется и выплачивает штрафы за опоздание и срыв съемок. Эти три дня Нань Чжоу вел себя тихо, как мышь, никуда не выходил, и Хао Цзя даже успел немного расслабиться. Но сейчас...

Сделав глубокий вдох, Хао Цзя открыл дверь и заглянул внутрь. Увиденное повергло его в шок. Что это такое?! Среди бела дня шторы плотно задернуты, в комнате темно, как ночью, и лишь тусклый свет монитора ноутбука освещает диван. Журнальный столик завален мусором от еды на вынос, на полу разбросаны одеяла и одежда, а рядом с диваном стоит гитара, которую он раньше никогда не видел.

А на диване, в отсветах единственного источника света, сидел Нань Чжоу. С всклокоченными волосами, закутавшись в то самое черное пальто, в котором он вернулся три дня назад, он,

словно зомби, стучал по клавишам.

Хао Цзя: «...»

Его взгляд скользнул по единственному чистому месту в комнате — большой кровати, где простыни были идеально расправлены. Он кашлянул:

— Почему не спишь в кровати?

Впрочем, вопрос был глупый — по Нань Чжоу было видно, что он, скорее всего, вообще не спал. Нань Чжоу не ответил, продолжая яростно колотить по клавиатуре. Лишь когда Хао Цзя подошел вплотную, он закончил.

С хлопком закрыв ноутбук, Нань Чжоу встретился взглядом с застывшим Хао Цзя. В воздухе повисла тишина. Спустя мгновение Нань Чжоу произнес:

— Не спится.

Хао Цзя тут же почувствовал вину. Конечно, после всех этих неприятностей как тут уснешь? Это он виноват — как агент, уделяет недостаточно внимания. Он уже открыл рот, чтобы утешить друга, как услышал:

— На моем месте, если бы ты был настолько нищим, ты бы тоже не уснул.

Хао Цзя: «...» Спасибо, я отлично сплю.

— Раз не спишь, хотя бы переоденься... — сказал он.

Он носит это черное пальто уже три дня... Интересно, когда он успел его купить? Он раньше его никогда не видел. При этой мысли Хао Цзя машинально потянулся к одежде Нань Чжоу.

— Не трогай, запах перебьешь, — Нань Чжоу отстранился. — Мне плохо, только это пальто помогает мне чувствовать себя хоть немного лучше.

Хао Цзя замер. Заметив под пальто обнаженную кожу, он осознал, что Нань Чжоу, возможно... совершенно нагой. После того как омегу помечают, он на какое-то время начинает испытывать сильнейшую зависимость от альфы, который поставил метку. Если в этот период разлучиться с альфой, омеге становится очень плохо. И чем выше уровень феромонов альфы, поставившего метку — даже временную — тем сильнее будет это недомогание.